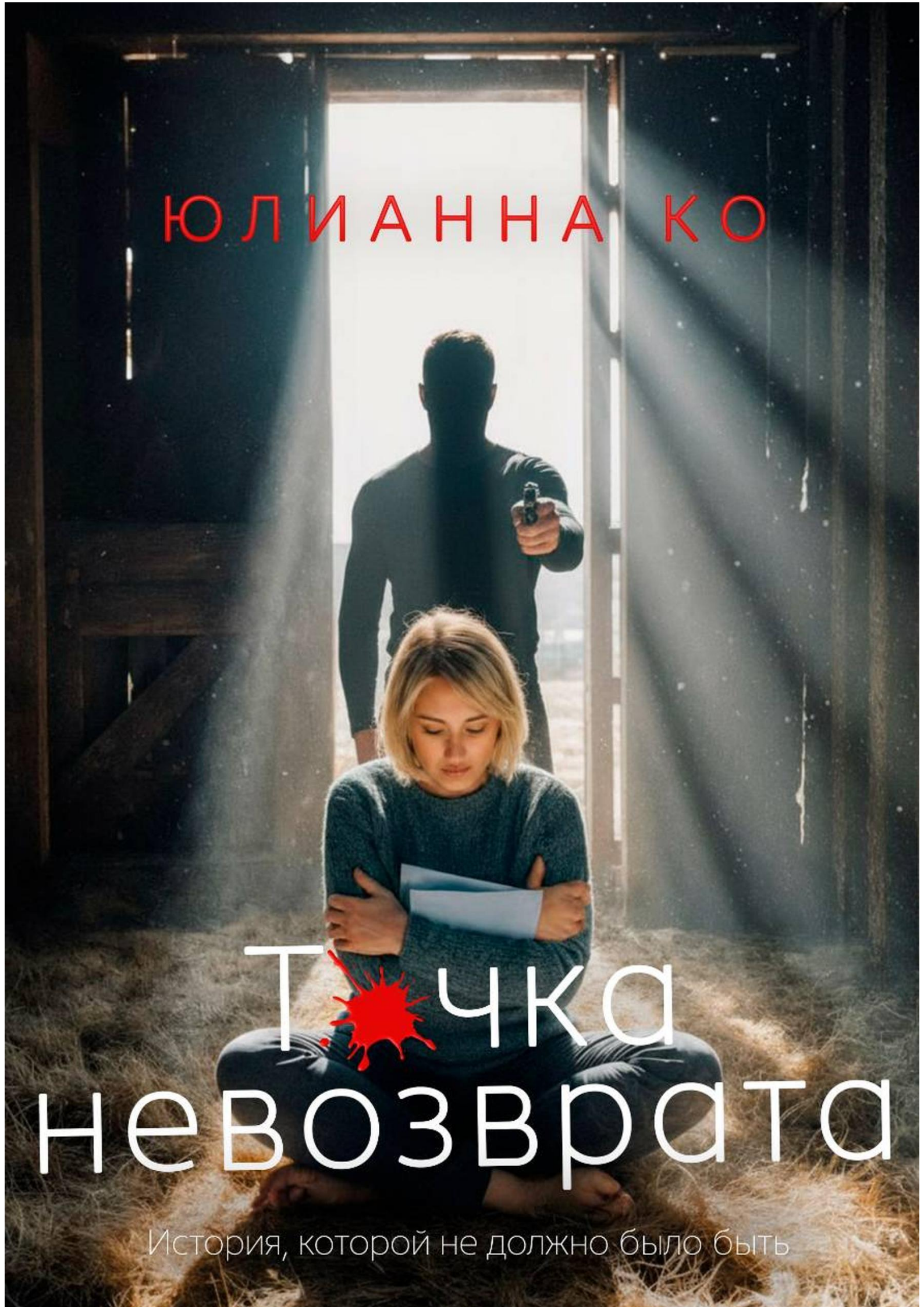

ЮЛИАННА КО
Точка невозврата
История, которой не должно было быть

Юлианна Ко

Точка невозврата

«Автор»
2025

Ко Ю.

Точка невозврата / Ю. Ко — «Автор», 2025

Она стала случайным свидетелем — и потеряла больше, чем могла представить.Он вдруг понял, что дорога, по которой идёт, ведёт в пустоту.А между ними — невидимая грань, где встречаются страх, вина и выбор, от которого не уйти. Каждый герой стоит на своей точке невозврата.История, которой не должно было быть. Но она случилась — и изменила всё. «Точка невозврата» — психологический роман о людях, оказавшихся на грани между прошлым и будущим, о чувствах, которые сильнее страха, и о хрупкости души, продолжающей искать свет даже в темноте.

© Ко Ю., 2025
© Автор, 2025

Юлианна Ко
Точка невозврата

Часть
I
.Шаг в пустоту.

«Ничто не принадлежит тебе в этом мире, даже воздух, который ты вдыхаешь, ты должен выдохнуть.»

Глава 1. Укрытие

Обняв колени руками, словно пытаясь удержать себя от тотального распада, Даша сидела на холодном полу и дрожала всем телом от дикого страха и напряжения. Каждая мышца ныла от усталости, как струна, перетянутая до предела – ещё чуть-чуть, и она лопнет.

Силы были на исходе.

Старый, тёмный, пахнущий пылью и мышами сарай перестал быть убежищем – теперь он казался живым существом, которое вот-вот выдаст её случайным шорохом.

С улицы уже слышались голоса её преследователей…

Снова бежать? Но куда?

Перед глазами стремительной чехардой пронеслись безумные картинки последних часов. Дикие вспышки озаряющие внутреннюю тьму: мелькающие лица, кровь, дрожащие пальцы на дверной ручке…

И как её угораздило забыть свой телефон в кабинете директора?

Михаил Юрьевич.

От воспоминания о нём внутри что-то болезненно дёрнулось.

Директор ресторана.

Отец.

Была пятница. Отработав ночную смену, Даша собиралась в стоматологию – на приём, который всё время откладывала. Её ждала дорога через весь город, через пробки и суету. Важно было не опоздать к назначенному времени, чтобы лишний раз не гневить светил медицины.

Она нервничала. Пальцы подрагивали, сердце билось неровно. С детства она не выносила запаха клиник – этого омерзительного коктейля из спирта, хлорки и чего-то безлико-болезненного. Поэтому, когда администраторша Нина, слегка запыхавшись, поймала её у выхода и попросила «заглянуть к директору – срочно», Даша с облегчением выдохнула. Это была отсрочка. Маленький подарок судьбы.

Кабинет находился на втором этаже, за тяжёлой деревянной дверью с латунной табличкой. Она постучала. Тихо, вежливо. И, понимая, что в такой ранний час он вряд ли может быть чем-то занят, вошла.

Михаил Юрьевич действительно был один. Он сидел за массивным дорогим столом, перекладывая бумаги из одной стопки в другую. На нём – голубая рубашка и тёмно-синий галстук в тонкую полоску. Его неизменная броня. Стиль, в котором он словно пытался спрятаться от своих лет.

– Дочка, заходи, садись. – подняв взгляд, он улыбнулся. Взгляд был тёплым, но в нём пряталось беспокойство. – Я ждал тебя.

Даша натянуто улыбнулась и шагнула в лучи утреннего солнца, щедро освещающего пространство делового интерьера. Она знала этот кабинет наизусть: большой стол, стеллажи с книгами, кожаные кресла, мексиканская пальма, названная в честь первого президента Соединенных Штатов и стильный комод с трофеями, грамотами и небольшой коллекцией элитного алкоголя. И, конечно, бронзовая сова на комоде – символ «мудрости», как любил повторять Михаил Юрьевич.

Она знала этот кабинет, как родимое пятно, – и всё же он оставался чужим.

Как и человек, сидевший в нём.

Шли дни, месяцы, года, но родственная связь с этим человеком всё также оставалась чем-то туманным.

После гибели матери её воспитывала бабушка – строгая, но добрая женщина, у которой в глазах горела деревенская правота. Там, в глуши, слово «папа» было для Даши абстрактным понятием. Вымышленной фигурой. Словом без образа. Чужаком.

Когда бабушка решила раскрыть карты, и немного приоткрыть завесу тайны, в Даше ничего не дрогнуло, ни одна струна. Она взяла клочок бумаги с россыпью аккуратных цифр без интереса, почти с брезгливостью и очень хотела, чтобы на её звонок никто не ответил. Но голос на том конце невидимого провода оказался живой, низкий, почти ласковый. С этого всё и началось.

При первой встрече он был растерян и сдержан, словно виновник, пришедший с повинной, а она настойчиво пыталась отыскать в его лице свои черты.

Позже она узнала про Егора – старшего сына. Настоящий хищник в человеческой оболочке. Высокий, мускулистый, с лицом, будто вырубленным топором. Холодные глаза, повадки альфа-самца и презрение ко всем, кто был слабее.

Про него в ресторане ходили легенды – все неприятные.

Говорили, держит клуб, связан с мафией. Говорили – азарт, долги, угрозы. Никто не проверял. Он просто вызывал в ресторане первобытный ужас и никогда не приходил один – всегда в компании таких же, как он: мрачных, подозрительных парней, вооружённых не только кулаками, но и чем-то пострашнее. Кто они были – друзья или охрана – никто не знал.

С первого дня коллеги шепнули Даше: «Держись от него подальше».

И она держалась.

Михаил Юрьевич не называл её дочерью при людях. Только здесь, за закрытой дверью. Это было их тайной.

Однажды Егор случайно застал их вместе. «Это дочь моего старого друга», – сказал отец.

Егор посмотрел сквозь неё, как сквозь пыльное стекло.

И забыл. Или сделал вид, что забыл.

И всё-же, каждый раз, заходя в этот кабинет, Даша чувствовала опасение – будто их родство выскользнет наружу, как случайно кем-то вскрытый сейф.

Этим утром отец выглядел необычайно взволновано. Пригласив её в кабинет, он тут же забыл про документы, создающие хаос на его столе. Резко встал, прошелся, переставил несколько вещей с места на место, с подозрением выглянул в окно, вытер со лба внезапно выступивший пот.

– Что-то случилось?

– Да нет, ничего такого, – Михаил Юрьевич помедлил, разглядывая её, будто проверяя, можно ли ей доверить то, что он собирался сказать. – Ты устала? Как прошла смена?

– Всё хорошо, спасибо, – кивнула Даша, присаживаясь в кресло напротив его стола. – Смена как смена. Не высыпаюсь немного, но держусь.

– А деньги… тебе хватает? – Он бросил взгляд на стопку бумаг, словно ища там правильные слова.

– Хватает, – пожала плечами Даша.

Он остановился, посмотрел на неё пристально.

– Да, я знаю, ты не попросишь… Вся в мать.

Она отвела взгляд.

– Я иногда думаю, – медленно продолжил он, – если бы я тогда… раньше…

– Не надо… – прервала она мягко, – не стоит опять об этом. Мы не в силах изменить прошлое.

Он помолчал, взял ручку, покрутил её в пальцах.

– Я тут задумался… Ты уже давно работаешь в ресторане. Ты не жалеешь, что приняла мое предложение тогда? Тебе комфортно здесь?

Даша сразу вспомнила тот диалог, после смерти бабушки.

После похорон она жила как будто в полусне. В один из дней, разбирая бабушкины вещи, она снова наткнулась на тот клочок бумаги с номером. Отец. Чужое имя. Осколок прошлого, который когда-то отказался от неё. Но бабушка так просила связаться с ним…

И она позвонила. Опять. Он сразу ответил. Тёплым, волнительным голосом.

И снова предложил встретиться. Без драмы. Без упрёков. Просто хотел поддержать её в трудную минуту.

Она рискнула. Потому что жить в одиночестве – страшнее, чем ошибаться.

– Да, вполне. – ответила Даша честно, – А что?

– Да так… Просто хотел убедиться, – он снова замолчал, снова взглянул в окно и вдруг спросил. – Даша, скажи, а ты счастлива здесь, в городе?

Она не ожидала такого вопроса, и поэтому ответ вышел сбивчивым:

– Наверное… то есть… не знаю. Я не думала об этом. Просто живу.

– Просто живёшь, – тихо повторил он, слегка улыбнувшись. – Наверное, это и правильно. Но я хочу, чтобы ты знала… если вдруг тебе понадобится помощь… любая помощь, ты всегда можешь ко мне обратиться. Ты ведь это знаешь?

– Знаю, – Даша чуть отвела взгляд, смущённая его внезапной заботой. – Спасибо. А у вас всё хорошо? – попыталась она хоть как-то поддержать беседу.

– У меня? – он, будто совсем не ожидая подобного вопроса, вдруг погрузился в свои мысли. Исчез. Растворился в пространстве. И спустя несколько тревожных секунд резко ответил. – Да, конечно. Конечно, у меня тоже всё хорошо… Очень хорошо. Ты не волнуйся!

Михаил Юрьевич снова резко встал, подошёл к массивному комоду, выдвинул ящик и достал оттуда синюю папку. Повертел ее в руках, вернулся к столу и осторожно положил её перед Дашей.

– Что это? – она удивлённо взглянула на него, затем на папку.

– Так, бумаги. Потом полистаешь, изучишь. Дома, спокойно, без спешки, хорошо?

– Хорошо, – Даша неуверенно кивнула. – Что-то серьёзное?

– Просто прочитай, ладно? – Михаил Юрьевич подошёл к ней ближе и внезапно, впервые за три года, крепко обнял её.

От неожиданности она замерла, едва ощутив непривычное тепло его рук.

Он улыбнулся, кивнул и быстро вышел из кабинета, оставив за собой ощущение странной, липкой пустоты и полного непонимания.

Тогда она ещё не знала, что эта встреча, эта папка и эти слова, произнесённые отцом, уже стали точкой невозврата, за которой её жизнь навсегда изменится.

«Опять какие-нибудь курсы…» – мелькнуло в её голове. Отец в последнее время часто говорил о том, что нужно расширять свои знания. Рекомендовал книги, покупал билеты в театр и предлагал разные рекламные брошюры ВУЗов.

Даша устало повертела папку в руке и попыталась утрамбовать её в сумочку. Видимо в тот самый момент, вынимая и складывая обратно необъятное содержимое женской сумки, она и позабыла про телефон.

Спохватилась на остановке. Перспектива провести все выходные без мобильника не особо радовала. Решила заглянуть в ресторан снова по возвращению из клиники.

День выдался суматошным. С талонами произошла путаница, и Даше пришлось просидеть в очереди около часа. Процедура, занимавшая обычно несколько минут, затянулась, а автобус, всегда доставляющий пассажиров из одного конца города в другой, трижды ломался по дороге.

И вот уже вечер. Сил нет. Рядом – ресторан. На парковке – знакомые машины. Ярко-красная – Егор. Две чёрные – его свита. Значит, он здесь.

Войдя в фойе, Даша вдохнула привычный аромат пряностей и обжаренного мяса.

Зал был подозрительно пуст. Не придавая этому значения, девушка поднялась на второй этаж, и сразу уловила резкие звуки, доносившиеся из кабинета директора.

Чем ближе подходила Даша, тем яснее звучали слова.

– Ты от меня больше ничего не получишь! – нервно и встревоженно кричал Михаил Юрьевич.

– Дорогой мой папочка, – слова Егора звучали наиграно фальшиво и очень ядовито. – Ты должен успокоиться и принять это как данность – родители стареют и умирают, а на их место приходят молодые и уверенные в себе дети. Я стану отличным владельцем ресторана. Я наведу здесь такой порядок, о котором ты и не мог мечтать! Где обещанная дарственная на ресторан?

– Иди ты к чёрту! Я тебе ничего не обещал! Я… Я… Я всё переписал на Дашу. Всё, до последней ложки останется ей… Дай мне дожить мои последние дни спокойно.

– На Дашу? На какую Дашу? Ааа, – внезапно протянул он, – На эту серую мышь? Ты окончательно рехнулся? – в голосе Егора прозвенел металл.

– Да, на Дашу. Именно. На эту милую, хрупкую девочку… Даша… Она… Она… Она – моя дочь! Не ожидал, да? – Михаил Юрьевич был явно разъярен, он задыхался от негодования, и будто умышленно подливал масла в огонь. – Ты думал, я буду вечно терпеть твои выходки? Нет! Хватит! Хватит делать из меня идиота. Довольно! Даша – моя дочь! Прелестная девочка. Я перед ней виноват. Очень сильно виноват… А ты, ты – мне не сын! Мой сын не может быть таким убожеством! Таким бездарным, бесчувственным негодяем! Твоя мать явно нагуляла тебя с кем-то… С таким же ненасытным негодяем и подлецом, как ты! Она любила таких мужчин, я знаю… Ненавижу. Тебя и её. Ненавижу. Всех вас ненавижу! Убирайся из моего кабинета, и забери своих шакалов!

Услышав последние слова, Даша остановилась. Дверь была слегка приоткрыта, вот только желание заглядывать внутрь моментально испарилось.

Девушка была готова повернуть назад, как за дверью послышалась возня. Резкий удар. И что-то тяжёлое грохнулось на пол…

– Ты спятил?! Ты убил его! – посторонний голос из-за двери обдал девушку ледяным ветром, и она, поддаваясь какому-то машинальному порыву, толкнула дверь.

Перед ней предстала жуткая картина. Егор стоял слева и сжимал в руках окровавленную статуэтку бронзовой совы, прежде красовавшуюся на комоде. Справа у окна со слегка ошарашенными лицами замерла его «охрана». Михаил Юрьевич лежал в неестественной позе в самом центре комнаты на полу. И там, где сегодняшним утром танцевали солнечные зайчики, по паркету растекалось густое, алое озеро. Рядом сидел парень в очках, он смотрел снизу-вверх на Егора, будто пытаясь понять, как это могло произойти.

– Даша? – Егор будто вышел из транса.

Девушка с трудом оторвала взгляд от кровавой картины и встретившись со стеклянным взглядом Егора не обнаружила в нём ни капли раскаянья.

– Ты… убил его? – Даша услышала собственный голос и испугалась.

– Что ты тут делаешь? – спросил Егор таким тоном, что у неё сжалась сердце.

– Я? Я забыла телефон… Мы утром разговаривали, он дал мне документы…

– Документы? Какие документы? – голос стал колючим, как лезвие.

Он сделал шаг.

Она – шаг назад.

Человек секунду назад убил своего отца. Одним взмахом руки, он лишил жизни другого человека. Родного человека. Но вместо ужаса от осознания произошедшего, он ведёт неуместный допрос.

– Я пойду… – Даша ещё раз взглянула на кровавую картину и ком подступил к горлу. Она тряхнула головой, пытаясь избавиться от безумного видения. Видение не исчезло, а с ещё большей реалистичностью вцепилось в её шокированное сознание.

Она резко повернулась и что было силы побежала вниз.

– Что вы стоите как истуканы?! Догоните её! – завопил не своим голосом Егор.

Даша смутно помнила, как выскочила на улицу, как добежала узкими дворами до остановки и ничего не соображая запрыгнула в первый попавшийся автобус. Обернувшись, она увидела, что один из посыльных Егора был в метре от городского транспорта, когда тот тронулся.

Автобус уносил её прочь. В неизвестность. В сторону деревни с безобидным названием Мухино. В его салоне пахло бензином, холодом и безысходностью. Даша села в самый конец. Мир дрожал, словно натянутая струна. Сознание противилось и не поддавалось уговорам.

Она сбежала. Но от чего? От убийства? От брата? От собственной жизни, в которую внезапно ворвалась смерть.

По спине пробежал неприятный холодок, а мысли, словно жирные, мерзкие мухи, кружились назойливым роем.

Через полтора часа, когда автобус наконец остановился, Даша выбежала на улицу и склонившись над ближайшими зарослями травы, продемонстрировала им содержание своего желудка. Пока она боролась с внезапным приступом рвоты, её попутчики разбрелись по деревне, а сам автобус поспешно уехал.

Глава 2. Егор

Егор нервно курил, опираясь на прохладный капот своей машины. Пепел с сигареты сыпался прямо на лакированную поверхность, но ему было плевать. Он стоял, как пружина, готовая сорваться. Пальцы дрожали. Не от страха – от злости. От воспоминаний, которые вдруг нахлынули, как рвущаяся плотина.

Перед глазами пульсировали обрывки детства, острые и режущие, как осколки разбитого зеркала, отражающие то, что он когда-то пытался забыть.

Вот он, шестилетний мальчишка, сидит на подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу, болтает ногами и гипнотизирует взглядом серую улицу за окном. Он ждёт. Упрямо, отчаянно ждёт, пытаясь не пропустить фигуру человека, которого называл отцом.

Так повторялось изо дня в день. Каждую неделю. Каждый праздник. Каждый чёртов день рождения.

Он помнил, как репетировал внутри себя диалоги, складывал их из робких слов и надежд: «Пап, сегодня на перемене меня снова обзывали. Но я не испугался, я дал сдачи. Представляешь, я справился! Ты ведь гордишься мной?»

Но адресат этих слов был выдумкой, миражом в строгом костюме, с вечно занятым взглядом. Отец был недостижимым фантомом, вечно закрытым в своём неприступном кабинете. Телефон, документы, встречи с чужими людьми – вот его приоритеты.

Похвала? Хоть раз, хоть случайно? Нет, ни единой.

Тёплое прикосновение руки к плечу? Он не мог вспомнить такого.

Егор существовал для отца исключительно в формате претензий и упрёков: «Опять драка? Почему нагрубил бабушке? Почему двойка?». Лишь в моменты, когда мать жаловалась, открывалась дверь в этот кабинет-крепость, и отец с холодным раздражением выдавал новую лекцию о чести, дисциплине и высоких стандартах «уровня Орловых».

А Егор всего-то и хотел, чтобы его увидели. Чтобы его услышали. Чтобы кто-то из взрослых однажды признал, что он существует.

Мать была занята театрами, тусовками, подругами и журналами мод. Отец вечно пропадал на работе. А Егору оставалось только ждать.

Когда он, наконец, понял, что ждать бесполезно – в его душе проросла глухая, жгучая ярость, как ядовитый сорняк, пробившийся сквозь бетон.

И вот теперь – спустя все эти годы – этот человек, равнодушно смотревший сквозь него, игнорировавший его, вдруг заговорил.

– Всё на Дашу… – процедил Егор себе под нос, и сигарета в пальцах чуть не треснула от напряжения. – Всё… на неё.

Шаги за спиной. Он обернулся.

Арчи, высокий, коренастый, с разбитой губой и тяжёлым дыханием, подошёл ближе, переминаясь с ноги на ногу.

– Она… убежала, – выдавил он.

Егор медленно повернулся к нему. В глазах – сталь.

– Убежала? – повторил он, почти ласково. – То есть ты – победитель юношеских марафонов – не сумел догнать эту колхозницу?!

– Автобус… – Арчи сглотнул. – Она успела запрыгнуть в автобус. Мне не хватило минуты. – произнес он то ли извиняясь, то ли оправдываясь.

– Какой к черту автобус? – голос Егора стал тише, опаснее. Он не кричал. Он сжигал.

– Автобус №12. – пробормотал он.

– Не понимаю…

– Вечерний маршрут автобуса №12 идёт в Мухино. – сообщил третий. Он стоял поблизости и вертел в руках свой мобильный.

– В Мухино? – переспросил Егор. – Эта та дыра, где жили твои предки?

– Да.

– Далеко?

– Час, полтора.

– Тогда чего мы ждём? – Егор выдохнул дым в лицо Арчи и с хрустом отбросил окурок в сторону. – По машинам. Ты ведёшь – покажешь дорогу

– Мы едем в Мухино? – зачем-то уточнил Арчи

– Мой любимый папочка передал этой девчонке какие-то документы. Ты улавливаешь? Он решил сыграть в благородство – и всё переписал на эту мымру. На неё! Всё – на Дашу. На милую, хрупкую, удобную девочку, которой он видимо пренебрегал всю жизнь… пока не решил обелить себя в последний момент. – отчеканил он с презрением. – Её нужно найти. Срочно!

– А что будем делать с… твоим отцом? – Арчи занял соседнее с водительским место в машине Егора.

– У него был «рак», ему оставалось недолго… Считай, что я облегчил его мучения. – цинично ответил тот и повернул ключ зажигания, мотор взревел.– Иногда, чтобы человеку стало легче… нужно просто убрать его из уравнения.

Глава 3. Бегство

Мухино оказалось не деревней – а призраком того, чем когда-то, возможно, пыталось быть. Покосившиеся дома, словно старики, согнувшиеся под тяжестью забытых лет, глядели в пустоту безжизненными окнами. Участки, когда-то ухоженные, заросли лопухами, крапивой и дикой мятой. Здесь время остановилось – и, кажется, не пожалело об этом.

Даша медленно шла по деревенским улочкам, не понимая куда идёт и зачем.

Увидев неподалёку озеро, она подошла к воде. Оно лежало, как зеркало, отражая небесную гладь в расплывчатых бликах. Она присела на берег, вдавливая ладонями прохладную землю. В груди – пустота. В голове – шум.

Связи нет. Деньги – растаяли ещё утром, когда она, наивно веря в предсказуемость жизни, тратила их «до зарплаты». Будущее – сжалось до этой минуты, до этой травы под ладонями и неба над головой. Всё остальное – сгорело.

Июльское солнце медленно тонуло в огненной дымке горизонта. Небо окрасилось в рыжие и багровые мазки, словно кто-то провёл по нему кровью. И всё же было в этом пейзаже что-то трагически прекрасное – как в жизни, которая рассыпалась, но продолжала дышать.

Михаил Юрьевич.

Егор.

Сова с потёками крови на бронзе.

Чужие, испуганные взгляды.

Она свидетель.

Никем не званая, никем не подготовленная – случайная свидетельница смерти родного человека.

Отца.

Слёзы вспыхнули внезапно, как ливень в ясный день. Не от горя. Не только. А от-невозможности. Невозможности поверить, принять, переварить. Солёные потоки, обжигающие кожу, катились по щекам, как будто сами пытались вывести из неё яд этого дня.

Она не знала о чем плачет больше – об отце, или о себе.

Она плакала, а день медленно катился к завершению. Мир вокруг постепенно тускнел, как стареющая фотография. Зелень теряла сочность. Воздух густел. И именно в этот момент, сквозь пелену слёз, она заметила движение.

Точка на горизонте. Красная.

Машина? Она щурилась, не веря собственным глазам, но точка росла и приближалась. Следом за ней – ещё две. Чёрные. Три машины мчат по разбитой просёлочной дороге, поднимая клубы пыли.

Красная. Две чёрные.

Егор.

Имя обожгло изнутри. Всё тело вздрогнуло.

«Как они нашли меня?» – думала Даша, пока бежала вверх по пустынной деревенской улочке. Сердце било в висках, как осатанелый барабан. Грудь сдавило. Глаза метались, выискивая спасение. Взгляд прыгал с одного покосившегося строения: высокие заборы, заросли крапивы, лай собак… Она обернулась и увидела, как в деревню уже въехал знакомый автомобиль. Не отдавая себе отчёта, она изо всех сил толкнула первые попавшиеся ворота и ворота отворились.

Заброшенный участок выглядел, как декорация к мистическому триллеру. Даша бегло оценила обстановку: ряд деревянных построек – полуразобранные сараи, покосившиеся бани и скелеты теплиц, летняя кухня и дом с пустыми глазницами окон, утопающий в высоких зарослях травы. Трава доходила до пояса. Рвала одежду. Царапала ноги. Казалась живой.

Она пробиралась сквозь неё, как сквозь полутьму сна, где всё зыбко и нет уверенности в том, что ты проснёшься.

Позади – рев моторов. Пыль.

Они здесь.

Он здесь.

…Она сидела, обняв колени, словно пытаясь удержать себя от распада. Словно тело хотело рассыпаться на части, как глина, что не выдержала жара. Сердце продолжало отбивать свой иссечённый ритм, как заплутавшая птица, бьющаяся в клетке.

Этот сарай… Он пах гнилью, пылью и временем. В нём давно никто не появлялся. Только забвение и страх нашли себе здесь убежище. И вот теперь – она. Случайная свидетельница. Лишняя на этой сцене. Цель.

Она вслушивалась в тишину, будто хотела поймать дыхание судьбы. Но всё вокруг молчало. Даже собственные мысли стали тише, как будто осознали: всё, что будет дальше, уже от нас не зависит.

Мир, который ещё утром казался упорядоченным, с привычным ритмом и простыми ожиданиями, распался. Всё – в один момент. Без предупреждения. Без права на паузу. Как если бы чья-то рука внезапно пролила чернила на страницу её жизни, и чёрная клякса поглотила всё: имена, даты, мечты.

“Сейчас распахнётся дверь. Раздастся выстрел. И всё.”

В этом было что-то… обречённо-спокойное. Как будто её история уже рассказана. Как будто ей оставалось только исчезнуть.

Она вдруг представила, как спустя несколько лет, какая-нибудь маленькая русоволосая девочка, приехавшая с родителями на дачу и мило играющая со своим котёнком, забредёт на этот старый участок…случайно… играючи…

И обнаружит здесь – её. Холодное тело. Её измученный временем труп. Без лица. Без имени.

Кто бы её опознал? Кто бы стал искать?

Мама – погибла. Бабушки – давно нет. Михаил Юрьевич – убит.

Ни родных, ни друзей.

А Марта?.. Да, Марта, возможно, поднимет шум. Но сколько она продержится? Сколько сможет – в одиночку, без следов?

Слёзы подступили, обожгли глаза, и в какой-то момент прорвались. Не истерикой. Тихо. Ровно. Как вода, уставшая держать плотину. Это были слёзы не страха – беспомощности. Страшнее всего – осознать, что ты одна. Впервые по-настоящему.

Скрип.

Шаг. Тяжёлый. Уверенный. За дверью.

Её тело замерло, дыхание исчезло. Гул в ушах стал оглушительным.

Конец.

Дверь отворилась – медленно, с долгим, болезненным скрипом.

И в проёме возник силуэт. Невысокий парень, вся фигура в тени. В руке – пистолет.

Он смотрел на неё. Глаза в глаза. Молча. И взгляд его… не был пустым. Он был тяжёлым. Как у человека, которому часто приходилось делать выбор. И всегда – неправильный.

Он ничего не говорил. Просто изучал.

Время замерло. Она слышала, как её сердце отбивает удары где-то в висках, и между каждым ударом казалось простирается вечность.

Хочешь – стреляй. Я устала бежать. – кричал её взгляд. – Давай – закончи это. Прямо сейчас.

– Что там, Андрей? – голос Егора снаружи прозвучал как гильотина.

Парень вздрогнул. Мгновение – и сделал шаг внутрь. Поднёс палец к губам.

– Здесь её нет! – крикнул он. Громко. Твёрдо.

А потом – ещё раз. Тише, но твёрже:

– Она опять нас провела…

Он развернулся и вышел.

Снаружи – глухая брань, топот, хлопки, голоса. Что-то летело, гремело и с неприятным скрежетом падало.

– Тут есть запасные ворота! – крик откуда-то слева.

Мгновения позже – тишина. Стало понятно, преследователи, не обнаружив следов беглянки, вынуждены были отправиться по новому ложному следу.

Даша выдохнула, как будто вырвала из груди камень.

Но облегчение было ложным. Передышка, не более. Пауза – перед следующим броском.

Она медленно опустилась в солому. Та кололась, пахла сыростью и гнилью, но несмотря на это, сейчас она казалась мягче постели. Глаза закрылись почти сразу. Изнеможение схватило её, как медведь за горло.

Мысли метались.

Надо в город. Надо сообщить Марте. Надо…

Полиция.

Егор. Его необходимо наказать… Но он ведь её брат.

Брат? Брат, убивший своего отца! Так легко, так безжалостно…

Она ведь могла его остановить. Или не могла?

Документы.

Отец… Она никогда его так не называла.

Он ведь действительно любил её. Хотел защитить. Хотел искупить. Только не успел.

Неужели теперь ресторан – её? Его детище. Его труд.

Мысли хаотично прыгали с одной на другую.

И только один вопрос острой иглой застрял в сознании:

Почему он её не выдал?

И эта мысль, странная, живая, стала последней…

Перед тем, как её измученное сознание медленно уплыло в чёрные, глубокие воды спасительного сна.

Глава 4. Андрей

– Чёрт бы её побрал… – Егор зло выругался, наступив в коровью лепёшку, когда перепрыгивал через канаву. Его ботинок с хлюпаньем утонул в мерзкой жиже, а сам он, сжав челюсть, с ненавистью посмотрел в сторону дороги. – Не могла же она просто испариться?!

Вечер давно уступил место ночи. Три дорогих автомобиля, выстроившихся у обочины, ярко светили фарами в никуда – как ослепшие хищники, потерявшие добычу. Арчи стоял рядом с красной машиной и молча хлопал ресницами. Он уже знал: гнев Егора непредсказуем, и лучше не привлекать к себе внимания.

– К чёрту эту деревню! Мне кажется, я уже сам провонял навозом, тупостью и убогостью. Всё, возвращаемся в город! Хватит с меня. Ей всё равно не хватит мозгов долго скрываться… По машинам! – скомандовал он.

– Я… подъеду позже, – раздался спокойный голос. Парень в чёрном стоял чуть позади, в тени. Голос его прозвучал отстранённо. Он, кажется, вообще не участвовал в общей суете.

Егор прищурился.

– Ты серьёзно? В эту ночь – в этот дом? Какого чёрта ты не продашь эту хижину?

– Давно там не был. Нужно… просто заглянуть.

– Ты с ума сошёл. Что ты там забыл? Или решил на старости лет заняться выращиванием кабачков и укропа?

Егор грубо расхохотался и вся компания, словно свора собак, поддержала своего вожака.

Парень не отреагировал.

– Как знаешь, – буркнул Егор, захлопывая дверцу. Через секунду его машина сорвалась с места и исчезла в тени деревенских берёз.

Спустя ещё пару минут фары чёрной машины мигнули в тишине. И медленно развернувшись, машина отправилась в обратную сторону. Сделав пару осторожных поворотов, автомобиль остановился у забора кирпичного дома, за которым угадывался сад.

Водитель вышел из машины. Воздух был густой, тёплый, пропитанный летом. Здесь пахло не бензином и асфальтом, как в городе, а яблоками, мятой и землёй, остывшей после дневной жары.

Он встал у калитки. Под пальцами – та самая щеколда, которую отец придумал когда-то, просто из прихоти. Инженер-энтузиаст, с руками, которые всегда пахли железом и сосновыми опилками.

Он закрыл глаза. Перед ним снова – рыбалка с отцом, когда не нужно было говорить, чтобы понять.

Мамины пирожки, вкус которых невозможно было воссоздать – даже шеф-повар бы не справился.

Сестра с забавными веснушками, бегущая по двору с ведром воды, смеющаяся до слёз.

Кот, застрявший на дереве, которого он когда-то спас, карабкаясь по мокрому стволу под грозой.

Это было его единственное настоящее.

Этот дом не был просто зданием. Он был свидетелем всего хорошего, что ещё оставалось в нём живым. И когда становилось невмоготу – он приезжал сюда. Один. Всегда один. Чтобы вспомнить, зачем он вообще живёт.

Одиночество для него стало привычкой. Не выбором. Он потерял семью рано, слишком рано. После аварии мать долго лежала в коме, отец сломался морально и медленно гас. Сестра уехала. Друзей он растерял. А потом появились деньги, улицы, схемы, компромиссы. И появился Егор. Как странный якорь – пугающий, но удерживающий.

И всё же… он часто думал: если бы не тот вечер в клубе пять лет назад…

Музыка била по голове, как молот. Свет – вспышками, резал по глазам. Толпа извивалась, как единый организм, забывший, где кончается кожа одного и начинается боль другого.

Он сидел у барной стойки. Третий час. Один. Как всегда. Он пил дешёвый виски и делал вид, что не слышит, как за спиной началась возня.

Возня набирала обороты. Крик. Суматоха. Он повернулся из любопытства, совершенно не собираясь отрываться от виски и собственных липких мыслей. Но что-то пошло не так.

К его ногам упала блондинка. Молодая. Красивая, как его сестра. Её резко толкнул спортивный парень, явно требуя каких-то объяснений. Девушка была в слезах. Тушь размазалась по щекам. Волосы взъерошены. На белой блузке кровь. Алое пятно, сыгравшее роль спускового механизма.

– Эй, послушай… – он сорвался с места и ринулся в бой. Обижать женщин – не по-мужски. – так его воспитывал отец.

Первый удар пришёл слишком неожиданно – в бок, сильно. Он тут-же упал, резко грохнулся об пол, вдохнул пыль, табак, отчаяние. Кто-то пнул его по рёбрам слева. Потом ещё справа. Сил сопротивляться не было. Это всё виски. Сколько он выпил? Достаточно, чтоб потерять ориентацию в пространстве.

Он закрыл голову руками. Всё. Так заканчиваются ночи, которые должны были быть обычными. Так заканчивается свобода выбора. Так заканчивается…

– Эй! Псы! – рявкнул чей-то голос. Громкий. Твёрдый. Уверенный.

Кто-то оттащил нападавшего за шиворот. Послышался хруст челюсти. Рёв. Ещё один удар. Грохот.

И тишина.

Избиваемый с трудом приоткрыл глаза. Над ним склонился парень, примерно его ровесник. Лицо грубое и тяжёлое, как камень. Черты резкие. Взгляд острый. В глазах – сила. Спокойная. Опасная. Живая.

– Живой? – спросил он.

Он кивнул.

– Пошли. Тут воняет подлостью.

Спаситель проводил его до своей машины и дал приложить холодную банку к лицу.

– Почему ты вмешался?

– Это мой клуб. Не люблю, когда разборки в нём проходят без меня, он протянул руку. – Егор.

Так всё и началось.

Он никогда не называл Егора другом вслух. Просто знал, что, если тот позовёт – он придёт. Потому, что тот однажды не прошёл мимо. Просто протянул руку. Проявил участие. Возможно, спас жизнь.

И потому что, когда ты долго живёшь в одиночестве, даже тень рядом с тобой кажется теплее холода.

Если бы не тот вечер в клубе… кем бы он был теперь? И был бы он ещё жив?

Он не знал. И, возможно, не хотел знать. Некоторые ответы больнее самих глубоких ран.

Чтобы ни о чём не думать – он приезжал в это место, где время будто бы остановилось. Дом. Их старый и всеми забытый дом. Именно к таким местам тянет сильнее всего, когда внутри слишком много шума.

За отчим домом приглядывали соседи. Регулярно отсылаемая им сумма, была залогом их ответственности и добропорядочности. Сейчас он видел, соседи – не подвели. Дом находился в ценности и сохранности, и, как прежде, был готов принять в свои объятия посетителей.

Полный предвкушения о тихом вечере у отцовского камина, он сунул руку в карман.

В кармане оказалось пусто. Ключ. Он всегда его носил. Как амулет. Как важный штрих к воспоминаниям.

Пусто.

Он нахмурился. Потрогал другой карман. Бардачок. Под сиденьем. Ещё раз – всё на месте: пачка сигарет, зажигалка, мобильник, жвачка, пистолет… Ключа не было.

Он выругался тихо. Глупо, но очень обидно.

Даше снился тёплый, ласковый сон, что-то из далёкого детства: запах сирени, лучи солнца на лице, бабушкины руки, качели взмывающие в воздух, как тогда… до того, как всё разбилось. Она почти улыбалась – пока чужой голос не разорвал ткань сна, как лезвие.

– Не ожидал увидеть тебя снова.

Голос был тихим, без угрозы – и именно поэтому страшным. Живой. Настоящий.

Сон рухнул. В груди будто что-то оборвалось.

Даша вздрогнула, как от удара током. Свет фонарика ослепил. Сквозь щели сарая струилась липкая, тревожная темнота.

– Кто здесь?! – сорвалось с её губ.

– Меня зовут Андрей, – прозвучало спокойно.

Этот голос. Слишком знакомый, чтобы быть случайным. Его голос… Того, кто пощадил. Кто не выдал.

Даша резко села, прижалась к стене, как к последней границе между собой и опасностью. Сердце билось в висках. В животе стянулось кольцо страха.

– Ты… вернулся, чтобы… убить меня? – голос её предательски дрожал.

Он сделал шаг ближе. Улыбнулся уголками губ – почти насмешливо. Присел у стены и закурил. Лёгкое потрескивание огня от зажигалки прозвучало громче, чем должно было.

– Нет, – ответил он коротко, выпуская в воздух тонкую струйку дыма.

– Что тебе нужно? – в её голове мелькала вспышками яркая, паническая картинка: он нападает, гасит фонарик, она кричит… напрасно. Здесь никто не услышит.

– Ты не видела мои ключи? – зачем-то спросил он, понимая, что все его поиски закончились провалом. За сегодняшний день, он трижды исколесил деревню и теоретически мог выронить ключ, где угодно.

– Что? – она моргнула. Его слова были будто из другого мира.

– Забудь. Поднимайся. Пора на автобус.

– Какой автобус?! Сейчас ночь!

– Спецрейс. До города. – он бросил окурок, раздавил его подошвой. – Долго объяснять. Просто вставай и пойдём.

– Я никуда с тобой не поеду, – прошипела она, сжав кулаки

Он посмотрел на неё внимательно, словно взвешивал.

– Мне кажется, ты не в том положении, чтобы сопротивляться, – голос стал твёрже, резче. – Я не враг. Я могу помочь, если ты хочешь выбраться отсюда.

– Зачем? – она сжала зубы. В каждом слове – недоверие, сдавленная ярость. – Что тебе до меня?

Молчание. Он медленно выдохнул. Уставился в пол. Потом вдруг поднялся и направился к выходу, не оглядываясь.

– Следующий автобус идёт в город только завтра, в полдень. – его голос прозвучал как приговор. – Смотри не проспи. А то застрянешь тут ещё на сутки. Желаю удачи.

Ручка двери заскрипела.

– Подожди! – вырвалось из неё, прежде чем она успела подумать.

Глава 5. Пустота

Они ехали молча, растворяясь в чернильной тьме просёлочной дороги. Ни фонарей, ни билбордов, ни следов суеты. Только фары резали ночь узкими лучами, и эти полосы света казались единственным доказательством, что они ещё существуют.

Город был далеко. Суета, пробки, неон – всё это сейчас казалось каким-то другим миром, нереальным. И в этой темноте, откуда ни возьмись, в голову Даши вернулись образы из той жизни, что казалась вечностью – пока не рухнула за один день.

Тихая деревня, утренние зори, пение птиц за окном и запах бабушкиной каши.

Она вспомнила, как мечтала сбежать оттуда. Поступить в институт. Стать архитектором. Создавать города – новые, смелые, ослепительные. Тогда она грезила шумными улицами, архитектурой, неоновыми вывесками и стеклянными небоскрёбами. Хотела творить, строить, менять города. А теперь – всё, чего ей хотелось, это снова услышать голос бабушки, тихий и тёплый, как плед в морозный вечер.

Но бабушки больше не было.

Два года борьбы. Надежда. Пожирающее предчувствие смерти… и пустота.

Теперь её отец тоже мёртв. Убит. Практически на её глазах.

Словно кто-то грубо захлопнул ту самую внезапно открывшуюся дверь, оставив за ней только страшное эхо.

Она – свидетель. И её нужно убрать.

Холодно. Точно. Как бывает в кино. Только без дубля.

И человек, у которого сегодня был шанс это сделать, сидит сейчас рядом.

Даша искоса посмотрела на попутчика. Его лицо было в полумраке. Тени плясали по скулам, по губам, по линии подбородка. Спокойный. Вроде бы. Но в его глазах – что-то незнакомое. Не то жалость, не то злость. Не то… надежда?

Он мог бы. У него был шанс. Но он…

Всё внутри снова начало дрожать. От страха. От того, что поверила. На миг. Слишком опасно.

Она с трудом отогнала вихрь мыслей и спросила тихо, как бы проверяя, жив ли ещё её голос:

– Ты… ты специально вернулся? Знал, что я всё ещё в сарае?

Он сосредоточенно смотрел вперёд, не отрывая взгляда от дороги:

– Думаешь, у меня есть дар ясновидения? – Андрей усмехнулся. – От моих родителей в Мухино остался дом. Я заезжал туда, и обнаружил, что где-то выронил ключи. Начал проверять, где был днём. Тот участок с сараем был последней надеждой. Ключей не нашёл… но услышал какой-то шорох.

Пауза.

– Тебе говорил, что ты очень громко храпишь?

Он сказал это с улыбкой. Не насмешкой – просто, чтобы разрядить обстановку. Но Даше было не смешно. Ни на грамм.

– Зачем ты мне помогаешь? – её голос дрогнул.

Он ничего не ответил. И молчание стало гуще. Тяжелее. Словно звук был излишеством, а дыхание – слишком громким.

Наконец замигали огни. Город подкрадывался, как нечто древнее и знакомое. Машина остановилась в малознакомом районе. Всё было тихо, даже ветер затаился.

Они вышли. Он молчал. Она – тоже. Молчание между ними было тяжёлым, как свинец. Оно говорило больше, чем могли бы сказать слова.

Он взял её за руку… Подъезд. Лифт. Седьмой этаж. Дверь открылась, и Андрей жестом пригласил её внутрь.

Даша замерла. Стояла в лифте, как на краю обрыва.

Он повернулся. И, не дожидаясь её согласия, просто подошёл и… поднял на руки. Легко. Уверенно. Перекинул через плечо, будто она – просто чемодан, лёгкий, измотанный, опустошённый.

– Здесь кухня, – сказал он, опуская её на пол. – Там спальня. Ванная – по коридору. Сейчас приготовлю что-нибудь съестное.

Она молча кивнула и медленно пошла в ванную. В зеркале отразилась не девушка – а кто-то другой. Смесь боли, усталости и бессилия. Волосы растрёпаны, лицо опухшее, взгляд – будто застывший где-то между двумя мирами. Ни макияжа, ни достоинства, ни смысла.

Горячая вода обжигала кожу, но не могла смыть день. Он въелся в неё. Впитался в самую суть. Михаил Юрьевич. Кровь. Егор. Сарай. Шаги. Выстрел, которого не случилось…

Когда она вышла, на кухне её ждал чай и два бутерброда. Андрей без излишних церемоний сообщил:

– Ешь. Я сплю в машине.

И ушёл. Без разговоров. Без пояснений. Просто – ушёл.

Она с жадностью поглощала еду, как будто только сейчас вспомнила, что её тело тоже требует внимания. Бутерброды казались пищей богов. Лучшим, что могла с ней сейчас произойти.

Она быстро всё съела, запивая горячим чаем, и впервые за день – улыбнулась, будто внутри на мгновение загорелась свеча.

Потом – спальня.

За окном внезапно началась гроза… Ночь жалобно завыла и стала беспощадно резать небо молниями, как нервный художник – холст. В открытую форточку бесцеремонно врывались раскаты грома, добавляя в обстановку почти мистическую жуть.

Ветер метался, стучал в окна, словно кто-то снаружи хотел ворваться. Спросить. Добраться. Найти.

Она забралась под покрывало, как под щит, но щит не спасал.

Её трясло. Озноб пронизывал до костей. Она слышала каждый скрип, каждый порыв ветра. Внутри всё гудело от переутомления, ужаса и надлома.

Чужая комната. Чужая кровать. Чужая жизнь. И всё, что было – кажется, уже не принадлежало ей.

Вдруг – щелчок замка.

Она вздрогнула. Тело напряглось.

Андрей.

– Погода зверствует. Машина гремит, как барабан. Холодно. Спать там невозможно. – Он подошёл к кровати. – Придётся спать вместе.

Он лёг на другую сторону, не спрашивая.

– У тебя… нет второго одеяла? – осторожно спросила она и голос дрогнул.

– Нет, – коротко ответил он.

Молчание.

Резкое движение. Скрип матраса.

Руки. Осторожные, тёплые. Он обнял её. Без подтекста. Без слов.

Просто – живой человек.

В любой другой день она бы вырвалась, ударила, ушла. Но не сегодня. Сегодня она была пустой оболочкой, из которой вылетела сила.

Она позволила. Вскоре согрелась и, наконец, уснула.

Глава 6. Близкие люди

Даша проснулась от тишины.

Не от звука, не от тревоги. Именно от тишины, слишком правильной, слишком солнечной – и потому пугающей.

Первые секунды её сознание плавало в полудрёме. Солнечные лучи проникали сквозь слегка зашторенные окна, вычерчивая на обоях длинные золотые полосы. Свет играл на незнакомой мебели, отражался от стёкол, преломлялся в ручке шкафа. Комната была чужой, но… не враждебной. Просто – чужой.

С улицы доносился заливистый щебет птиц, а небо за окном, глубокое и прозрачное, будто нарисованное акварелью, манило своей чистотой. Никаких следов вчерашней грозы. Ни луж, ни ветра, ни звуков грома. Природа, как и всегда, была безразлична к человеческому горю.

Вспоминать не хотелось, но оно пришло само.

Образы – резкие, смазанные, кровавые.

Она резко повернулась. Постель рядом была пуста. Андрея не было.

В квартире царила звенящая тишина – гулкая, как на морском дне.

Она встала. Прошлась по комнате, ощущая под ногами холод ламината, который будто был доказательством, что ей всё это не снится.

На кухонном столе – лист. Обычный тетрадный лист и всего два слова:

«Дождись меня.»

Почерк мужской, чёткий, уверенный. Без лишних эмоций.

Она повертела бумагу, будто надеялась найти на обратной стороне объяснение. Его не было.

Заглянув в холодильник, Даша поняла: Андрей здесь бывает нечасто. Хозяином он был скорее формальным. Полупустые полки, остатки сыра, два яйца, ломтик слегка засохшего хлеба. Она захлопнула дверцу с лёгким раздражением.

Желание уйти возникло мгновенно. Но другая мысль, более сильная, более трезвая, остановила её: а куда идти?

Чайник – ярко-оранжевый, точная копия её собственного. Даша машинально нажала на кнопку, словно цепляясь за этот случайный параллельный штрих. Пока вода закипала, она отправилась в ванную.

Душ работал плохо. Вода текла лениво и устало. Пришлось наполнить ванну.

Впервые за два дня она снова почувствовала, что вода может быть утешением. Тепло окутало, словно очень близкий друг, который не говорит, но всё прекрасно понимает.

После получасового лежания в горячей воде выходить не хотелось. Возвращение в реальность казалось вторжением. Её одежда лежала в углу, пропитанная страхом, потом и запахом старого сарая. Она не могла снова её надеть.

На вешалке – мужская рубашка. Чистая, белая, с запахом стирального порошка и чего-то ещё… неуловимого, но живого.

Она переоделась, постирала свои вещи, повесила сушиться, сварила яйца, сделала бутерброды. Ела медленно, не отрывая взгляда от экрана маленького кухонного телевизора, который бубнил что-то о погоде, будто всё было, как всегда.

Гостеприимный и такой таинственный хозяин квартиры не торопился возвращаться домой.

Даша обошла квартиру. Ничего особенного. Ни фотографий, никаких других следов, раскрывающих историю своего хозяина. Чужое пространство, стерильное, как пустая тетрадь. Одиночество сквозило в каждом предмете.

Мысли вернулись к главному – что делать дальше.

Возвращаться домой? Смешно. Это было бы самоубийством.

Егор ищет её. Егор не отпускает. Она видела, как он смотрел на неё. Такой человек не оставляет свидетелей.

Даша догадывалась о его методах решать проблемы. Про его связи ходили легенды. Вероятно, он уже обставил внезапную смерть отца, как несчастный случай. Кого нужно подкупил, кого можно запугал. И она – хрупкая и одинокая Даша – теперь единственное препятствие на пути к богатству.

Их общий отец, конечно, не был миллиардером. Но и назвать его бедняком тоже было неправильно. Он был трудоголиком, умеющим добиваться поставленных целей. Ресторан, в котором работала Даша – был лишь одним в сети его ресторанов. Самым первым и самым любимым детищем, дела в котором он держал под своим особым контролем. Несмотря на статус, уважение и деньги – всё это он имел в должном количестве, он продолжал работать не покладая рук: приходил раньше всех, уходил позже всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.